

КЛАССИКА БРАНИ

Ольга Егошина, Санкт-Петербург

На петербургском фестивале «Балтийский дом» показали самого нетрадиционного и шокирующего «Отелло» сегодняшнего театра. Его постановщик режиссер Люк Персеваль — неперенный участник крупнейших международных фестивалей и знаковая фигура европейского театра. Но Россия до сих пор с его постановками знакома не была.

Действие шекспировского «Отелло» Люк Персеваль перенес в некое условное пространство и в некое условное время, «когда наступает джаз». На сцене — перевернутый белый рояль, а на нем, как на постаменте, стоит рояль черный. Весь спектакль на сцене великолепный джазовый музыкант Йенс Томас, который заставляет свой инструмент то обрушиваться музыкальным шквалом, то замирать. Он застывает над клавишами и долго ловит уходящий, тающий звук. Или вдруг стучит по роялю, как по барабану, а то перебирает открытые струны, извлекая звуки, роялю не свойственные.

Примерно так же Люк Персеваль обошелся с пьесой Шекспира, чтобы извлечь из нее звуки реальной боли, ужаса, страсти, которые, как ему кажется, глушатся привычным сценическим лаком традиции. Его интересовали две линии пьесы — любви и ненависти. Поэтому он взял в постановке даже не перевод, а обработку шекспировской трагедии Феридуном Займогли и Гюнтером Зенхелем. В их версии резко сокращены многие сюжетные линии, финал оборван на удушении Дездемоны, а шекспировский текст местами переложен на современный сленг.

Дездемона говорит литературным поэтическим языком любви. Яго — грязным уличным, похабным языком ненависти. Матерные слова, слова-плевки, после которых хочется вымыться, слова-колючки, слова-уроды. Русский перевод Марины Корнеевой только усиливает благодаря изощренности русского ругательного, шокирующую грубость немецкой версии.

Наследник двух театральных традиций — немецкой и французской — Люк Персеваль блестяще использует и обыгрывает в своей постановке приемы и штампы обоих национальных театров. Тут и излюбленные статичные мизансцены французов, когда герои обращаются не к друг другу, а в зрительный зал (только вместо величавых классических строк звучит матерная брань). Тут и подчеркнуты «нетеатральные» мизансцены и свет, любимые сегодняшним немецким театром, чурающимся всякого намека на «театральщину», на историзм, на декламацию, на красоту.

«Твою мать» — начинается первый монолог спектакля. Смачно, грязно, недвусмысленно Яго-Вольфганг Преглер жалуется на жестокость жизни и обещает заставить своего начальника-Шоколада горько пожалеть

Отелло вооружили русским матом

Черно-белый «Отелло» стал изюминкой фестиваля в Петербурге.

о том, что не сделал Яго лейтенантом. Сквернословие Яго — одна из характеристических черт ненависти. Ненависть марает. И Яго грязнит своим языком все, к чему прикоснется. Он развращает любовь Отелло, пачкает ее своими описаниями, марает не только Дездемону, но любовь как чувство. Но Персевалю важно то, что грязь заразна. Языком Яго начинает объясняться подвыпивший Кассио. На язык Яго переходит начавший ревновать Отелло.

Одна из лучших сцен — когда драка с подвыпившим Кассио-Штефаном Мерки заканчивается разбитыми бутылками. На сцене валяются осколки стекла, и на нее выбегает босая Дездемона в поисках Отелло. Обнаженные ноги актрисы рядом с разбитыми осколками вдруг колют какой-то непривычной правдой. Обнаженное беззащитное тело так непоправимо и щемяще

уязвимо. Как уязвимы и люди, вдруг открывшиеся любви.

Как и многие современные режиссеры Европы, Люк Персеваль ищет в героях классических трагедий черты современных людей. Он лишает их привычного ореола: героя-генерала, красавицы. Немолодой, грузный, очень поглупевший от любви Отелло похож на обычного начальника заштатного гарнизона. Дездемона — ражая деваха с бензоколонок. Но режиссер дал им минуты взлета. Отелло ставит босые ноги Дездемоны на свои ботинки и уводит ее от опасных осколков. Или тербит красивые летящие рыжие волосы.

Можно понять тех, кто не узнал в героях Персевали шекспировских Отелло и Дездемону. Но давно на сцене не было такой пронзительной истории о ненависти, разрушившей любовь.

Нобеле извесия - 2005 - 601-1.5

ВЛАДИМИР ЛУПОВСКИЙ